

Глава 24: Испорченный шелк

Счастливые и довольные женщины, держа в руках отрезки парчи, покинули Сад Лотосов. Все, кроме Ли Вэй Ян. Каждый день она навещала бабушку, чтобы приготовить для нее чай.

Лао Фурен живо интересовалась жизнью внучки, когда она жила вне пределов Дома Ли (в Да Ли), часто спрашивая ее об этом.

Нежным голосом Ли Вэй Ян рассказывала Лао Фурен интересные истории, которые произошли с ней в Доме Ли в Пин Ченге.

Однако сегодня Лао Фурен, покачивая головой, сказала: «Сан-ятоу, ты говоришь мне не всю правду».

Посмотрев в ясные глаза женщины, Ли Вэй Ян через несколько минут, наконец, произнесла: «Лао Фурен, Вы действительно хотите услышать правду?»

«Это именно то, чего я хочу», - кивнула та.

Ли Вэй Ян сделала глубокий вздох.

Когда дело доходит до вещей, которые человек действительно жаждет узнать, то он, рано или поздно обнаружит правду. Поэтому не было необходимости скрывать прошлое.

«Я оставалась в Доме Ли в Пин Ченге, пока мне не исполнилось семь лет. На тот момент премьер-министра никого не прислал, чтобы забрать меня домой, и они тут же отправили меня в семью Чжоу, живущую в деревне. Мать этого семейства зовут Лю-ши. Очень жестокая женщина, которая вечно не давала мне еду. Я была совсем маленькой и ничего не понимала, поэтому пыталась воровать еду с кухни, но она как-то узнавала об этом и наказывала меня».

Девушка подняла рукава, открыв шрамы на запястьях.

«Здесь, на спине, на ногах. На всем теле есть шрамы».

Лао Фурен потрясенно уставилась на Вэй Ян, не в силах поверить в услышанное.

«Ты сказала ей, что твой отец - премьер-министр?»

Ли Вэй Ян усмехнулась. Она знала, что Лао Фурен не поверила ей, но это была та самая правда.

«Я заплакала и сказала Лю-ши, что мой отец приближен к королевскому двору, но она только посмеялась надо мной. Я оставалась в семье Чжоу в течение шести лет. Летом было трудно заснуть из-за укусов комаров. Зимой спальня была похожа на ледник. Дочь Чжоу считала меня своей игрушкой. Мои руки и колени стерлись до кровавых мозолей. На пальцах много порезов от посевов и тяжелой домашней работы. Даже мои ноги огрубели».

Голос девушки был не громкий, а в ее тоне не чувствовалась мука - она даже не упоминала о временах, когда ее чуть не забили до смерти, - и все же слишком спокойная манера речи намекала на перенесенную боль, лишения и невзгоды.

Лао Фурен и Ло-муму пришли в ужас.

Лао Фурен бессознательно взглянула на маленькие ладони Вэй Ян, прежде чем медленно и

осторожно коснуться ее руки. Именно тогда она заметила множество шрамов на тонких запястьях. Шрамы были слабыми, поэтому она заметила их, только когда внимательно присмотрелась.

Ло-муму покачала головой. Все сяоцзе Дома Ли рождались с серебряной ложечкой во рту. Они жили в роскоши и были защищены от суровой реальности, но только не Сан-сяоцзе. Над той, в чьих жилах текла кровь премьер-министра, издевалась жена какого-то фермера.

Глядя на Вэй Ян, Лао Фурен почувствовала боль в груди. Ей трудно было представить, как юная семилетняя девочка день за днем выживала в этом кошмаре, трудно представить, что она жила так целых 6 лет.

Лао Фурен медленно произнесла: «Дитя, тебе пришлось многое перенести. Я даже не знала, что с тобой так грубо обращались...»

Ли Вэй Ян улыбнулась. Ее темные глаза, казалось, отражали лицо Лао Фурен.

«Нет, я не страдала от подобных вещей. Больше всего меня задел тот момент, когда в городе начался фестиваль. Я смотрела, как Ли лаой и вся его семья отправляются на празднование. Я хотела, чтобы мой отец был там. Тогда я смогла бы расслабиться, полюбоваться с ним цветами, вместе отпраздновать фестиваль Фонарей. Но он не приехал, а другие люди кричали и ругали меня. Они сказали, что я сирота, у которой нет родителей».

Ли Вэй Ян не плакала просто потому что в этом мире есть определенные вещи, которые ты не получишь, даже есть будешь плакать навзрыд. Эту мудрость она постигла еще в детстве.

Лао Фурен, нежно держа внучку за руки, сказала: «Дорогая, ты вернулась домой. С этого момента никто больше не посмеет тебя запугивать».

Слова этой женщины, сочувствие в ее глазах – все было подлинным.

Не ответив, Ли Вэй Ян крепко сжала руки бабушки.

Правильно, она вернулась домой. Отныне никто не сможет над ней издеваться. Если «хороший человек» означает, что над тобой все будут потешаться и измываться, то она станет «злым человеком»!

Лао Фурен улыбнулась, ее глаза светились искренним вниманием.

«Глупышка, мне так одиноко в Саду Лотосов. Навещай меня чаще».

Ли Вэй Ян знала, что слова, произнесенные этой женщиной, станут для нее самой лучшей защитой. Они гарантировали ее будущее в поместье премьер-министра.

Когда она вернулась в свои покои, ее сразу встретила Цзы Янь.

Ли Вэй Ян мельком оглядела двор. Хуа Мэй тряпкой вытирала пыль с деревянной панели, покрытой цветочным узором. Не останавливаясь, девушка прошла в дом.

Бай Чжи и Мо Чжу держали в руках два отреза парчи невероятно-красивого шелка. Один лишь взгляд вызывал восхищение.

Юная мисс позволила служанкам разложить ткань на столе. Затем она велела Мо Чжу выйти, а Бай Чжи остаться.

Девушка положила руку на шелк и кончиками пальцев ощутила роскошь нежной ткани. Слегка приоткрыв губы, она произнесла лишь одно слово: «Рви!».

Удивленная Бай Чжи никак не отреагировала, продолжая стоять на месте.

Ли Вэй Ян посмотрела на служанку и спокойно сказала: «Хватит стоять как истукан, рви ткань».

Несмотря на шок, Бай Чжи повиновалась своей юной мисс. Схватив один из отрезов, она вытащила из волос острую шпильку и с ее помощью разорвала ткань. Прекрасный шелк разделился две части.

Солнце сияло на Востоке. Его яркий свет наполнил часть комнаты, погрузив другую часть в мрак. На столе лежали блестящие отрезы парчи. Вслед за звуком рвущейся ткани, губы Ли Вэй Ян скривились в бледной улыбке.

Честно выполняя указ юной мисс, служанка рвала ткань, и вскоре шелк был испорчен до неузнаваемости, походя, скорее, на кучу тряпок.

На Бай Чжи внезапно нахлынул страх.

«Сяоцзе, эта парча была подарком Да-шаой. Из нее нужно было пошить наряды на Новый год. Что если...»

Ли Вэй Ян закрыла глаза и сказала: «Бай Чжи, найди сундук, в котором можно запереть это тряпье».

Служанка немедленно поклонилась.

«Да, нуби поняла».

Бай Чжи все еще сносила сомнения. В чем смысл прятать испорченную ткань?

В этот момент Хуа Мэй, используя как оправдание проделанную уборку, пошла переодеться. На самом деле она отправилась в Фу Юань. Девушка чувствовала беспокойство из-за проваленного в прошлый раз задания.

Но Да Фурен не собиралась ее отчитывать, а просто улыбнулась и сказала: «Хуа Мэй, я уже дала тебе указание позаботиться о Сан-сяоцзе».

Служанка успокоилась. К ее счастью, Да Фурен не сердилась.

Линь-муму подошла к Хуа Мэй и нежно взяла ее за руку. Ласковым голосом она напомнила: «Ты не забыла о целях Да Фурен?»

Внутри Хуа Мэй все перевернулось. Девушка быстро кивнула.

Линь-муму продолжала стоять на своем.

«Один раз Да Фурен тебя уже простила, но больше не жди пощады!»

Хуа Мэй почувствовала, что рука, которой Линь-муму прикоснулась к ней, словно змея проникает под ее кожу. Девушка тихонько взвизгнула, отчаянно пытаясь вырваться, но Линь-муму ущипнула ее в бок с такой силой, что Хуа Мэй показалось, что ногти женщины сейчас вырвут из нее кусок плоти.

Сильная боль заставила девушку жалобно взвыть.

«Да! Да! Нуби обязательно присмотрит за Сан-сяоцзе!»

Руки Да Фурен гладили красный, словно коралл, шелк.

На сочувствующем лице женщины появилась злая усмешка.

<http://tl.rulate.ru/book/4556/98839>